

И.Н. Райкова

**«Ох, если б крылья да крылья...»:
поэт с душой ребёнка
(фольклорные фантазии Льва Мея)**

В статье исследуется фольклоризм творчества поэта и переводчика середины XIX века Льва Мея. На материале его лицейских стихотворений и лирики, предназначенной детям, автор раскрывает традиции детского фольклора в творчестве Мея, акцентируя внимание на натурфилософской составляющей.

The article explores the folklorism in works by Lev Mei, a poet and translator of the mid-nineteenth century. On the material of his Lyceum poems and lyrics, designed for children, the author reveals the traditions of children's folklore in Mei's writings, focusing on natural-philosophical component.

Ключевые слова: Мей; фольклоризм; детский фольклор; образы природы.

Keywords: Mei; folklorism; children's folklore; images of nature.

Как известно, фольклор и литература идут рука об руку, и литература всегда подпитывалась фольклором. Обратимся к творчеству Л.А. Мея — поэта XIX века, недостаточно оценённого при жизни, «пропущенного критикой» (Ап. Григорьев) и забытого почти сразу после смерти¹, поэта, о стихах которого Н.А. Добролюбов иронично отозвался, причислив их «к разряду альбомных», интересных «единственно для тех, кого они касаются» [7: с. 331]. Напротив, Ап. Григорьев отметил, что редко можно встретить в поэте такое «богатство фантазии, такую силу, красоту выражения» [7: с. 331].

Ещё один после А.С. Пушкина выпускник Царскосельского лицея, получивший в нём поэтическую «вакцину», Лев Александрович Мей стал поэтом непоэтической эпохи (в 1840–1850-е годы в моде была проза). Часть его творчества сегодня рекомендуется для детского чтения, входит в антологии русской классики для детей; любопытны и его собственные отороческие стихотворные опыты.

Когда бы и для кого бы ни писал Мей, он всегда грустил по детству и оставался ребёнком в душе — добрым, мягким, открытым, естественным, безалаберным и непрактичным в бытовом смысле, путающим фантазию и реальность, прошлое и настоящее, грёзу и явь. С грустной нежностью вспоминал поэт детали детства в обращении к двоюродной сестре Ю.И. Липиной (урождённой Мей):

¹ Лев Александрович Мей (1822–1862) — дворянин по рождению, сын обрусевшего немца, героя Бородинской битвы. Прожив короткую жизнь, Мей закончил её в бедности и болезнях.

Знаешь ли, Юленька, что мне недавно приснилось?..
Будто живется опять мне, как смолоду жилося;
Будто мне на сердце веет бывалыми веснами:
Просекой, дачкой, подснежником, хмурыми соснами,
Тальными зорьками, пеночкой, Невкой, березами,
Нашими детскими... нет! — уж не детскими грезами!
Нет!.. уже что-то тревожно в груди колотилось...
Знаешь ли, Юленька?.. глупо!.. А все же приснилось... (1860) [5: с. 99].

По человеческому миру («суетному свету») поэт бродит подобно лунатику, ведомый своей луной — вдохновеньем, не замечая будничной реальности. Характерно его лицейское стихотворение «Лунатик»:

Ты ходишь над бездной по темени скал,
Ты скачешь, как серна, с горы на обвал,
Орлом на утёсы взлетаешь с размаха,
В тебе есть все чувства, — и нет только страха.
Ты громко привольную песню поешь;
Ты, очи открывши, по миру идешь <...> (1840) [5: с. 51].

В другой лицейской фантазии Мея далёкая Москва предстаёт в виде празднично наряженного великана, облокотившегося на холмы: «Весь из куполов, блистает // На главе венец золотой; // Ветер с поясом играет, // С синим поясом-рекой <...>». Великан спит, а заря будит его, касаясь «бледно-розовой рукой» (1840) [6: с. 11].

Детство Мея прошло в патриархальном доме бабушки А.С. Шлыковой в Хамовниках, где его окружали почти одни женщины и немногочисленные крепостные слуги. Интерес к традициям, фольклору, народным поверьям, очевидно, появился именно тогда. Позже он был поддержан внимательным изучением фольклорных источников по архивам и изданиям И.П. Сахарова, А.В. Терещенко, Л. Майкова, В.И. Даля, П. Киреевского, А.Н. Афанасьева. Фольклор и народность литературы были предметом бурных дискуссий в «молодой редакции» журнала «Москвитянин», куда Мей входил в 1848–1853 годах.

О нерасчётливости и детской наивности молодого поэта красноречиво говорят факты биографии: карьеру государственного служащего (в канцелярии московского генерал-губернатора) Мей бросил, едва начав. Позже получил место инспектора 2-й Московской гимназии, однако продержался не более года: начальство и коллеги были недовольны тем, что Мей отстаивал интересы учащихся и пытался бороться со взяточничеством. В 1853 году Мей переселился в Петербург и целиком отдался литературной работе.

В творчестве поэта, в его отношении к Руси народной современники видели некий «археологический колорит» (В.В. Крестовский). Мей проповедовал идеал вечной красоты, уход от злободневных общественных вопросов в мир личных чувств, в историю.

Вдумчивый, внимательный к мелочам, обладавший цепкой памятью, Лев Мей известен в истории литературы больше как переводчик, хотя переводческой работой занимался потому, что она приносила ему небольшой доход. Поражает

разнообразие и художественное совершенство большинства из переводов. Стоит перечислить языки, которыми владел Мей: древнегреческий, латынь, древнееврейский, французский, немецкий, английский, итальянский, польский, чешский, украинский, белорусский и церковнославянский. Впечатляет и ряд имён тех, кого он переводил: Анакреонт, Феокрит, Гёте, Гейне, Байрон, Шиллер, Беранже, Шевченко, Мицкевич.

Будучи начинающим поэтом, Мей заинтересовался русской стариной, летописями². Его большой заслугой стало поэтическое переложение «Слова о полку Игореве» (1841–1850). В примечании к переводу Мей написал, что, считая «Слово» «сродственным» народным сказкам и песням, он пришёл к мысли «уложить» его «в народный сказочный размер», «передать стародавнюю народную речь современной народной речью». В действительности его «Слово» стилистически близко фольклорной песне (а не сказке, как он писал). Вот, например, обращение Игоря к Донцу: «Игорь молвил: Ох Донец-река, // И тебе немало ведь величия: // Ты волнами князя убаюкивал, // Стлал ему траву зелёную // По серебряному берегу // И под тенью дерева зелёного // Одевал его мглами тёплыми <...>» [11].

Творческое наследие Мея стало более известным благодаря композиторам, положившим на музыку его стихи. П.И. Чайковский написал 11 романсов, самый известный из которых «Хотел бы в единое слово...» (из Г. Гейне):

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О, пусть бы то слово печали
Звучало во сне над тобой (1859) [5: с. 306–307].

Отметим в стихотворении влияние стиля народного заговора: лирический герой желает, чтобы слово было перенесено ветром; чтобы оно «звучало во сне» (ср. в любовном заговоре: «Сох бы он, тосковал, день думал, ночь во сне видал» [8: с. 138]); трижды повторяет «пусть бы».

Н.А. Римский-Корсаков создал три оперы на сюжеты меевских историко-бытовых драм: «Царская невеста» (1849), «Псковитянка» (1849–1859) и «Сервилия» (1854). А ещё в этом ряду Глинка, Бородин, Мусоргский,

² О Мее как знатке древнерусской книжности поэт-современник Я. Полонский ото-звался так: «Он знал наизусть лучшие места из русских летописей и мог бы стать профессором истории русской литературы, но ничего не делал для своей карьеры, никогда ничего не добивался <...> Жаль, что Мей не угадал своего настоящего призвания» [7: с. 330].

Рахманинов, Балакирев, Цезарь Кюи, оценившие музыкальность стихов Мея и давшие им вторую жизнь.

С образностью детского фольклора, на наш взгляд, поэзию Мея сближает детское и первобытное ощущение себя частью природы. И в жизни он не проходил мимо бездомной собаки или кошки, не раз спасая их от гибели; в его квартирах всегда жили птицы, они свободно летали, так как их клетки были открыты (подробнее см.: [6: с. 5–6]).

Художественное пространство стихов Мея населено цветами, травами, зверями и ещё больше — птицами. Таковы стихотворения «Сосна» (1845), «Малиновке» (1857), «Одуванчики» (1858), «Зяблику», «Мимоза» (оба 1859), «Облака», «По грибы» (оба 1860), «Мороз» (1862) и др. Кажется, что поэт владеет ещё одним языком — «птичьим». Так, своеобразный «перевод» с него — стихотворение «Спать пора» (1861):

С полуночи до утра,
С полуночным сном в разладе,
Слышу я в соседнем саде:
 «Спать пора! Спать пора!»
С полуночи до утра
Это перепел крикливый
В барабан бьет на мотивы:
 «Спать пора! Спать пора!»

Поэт будто понимает, что говорят птицы, запросто вступает с «пташечкой-сестрой» в диалог:

Нет, ты, пташечка-сестра,
Барабань себе, пожалуй,
Да словами-то не балуй:
 «Спать пора! Спать пора!» [5: с. 111].

В другом стихотворении (из Гейне) дрозд спрашивает у поэта, о чём тот закручинился, и получает ответ: «Узнай у сестриц, у касаток — // Они тебе скажут — о чём: // Весной они гнёзда лепили // У милой моей под окном» («По лесу брожу я и плачу...», 1859) [2: с. 85]. Ещё в одном стихотворном переложении (из А. Мицкевича) птичка сыч, прилетев в деревню и сев на крышу, согласно народной примете, предвещает скорую смерть кого-то из хозяев, и снова поэт как бы «расшифровывает» её речь: «В поле осень; лист валится, // Пёс наш землю роет; // Сыч на крышу нам садится: // “Что ж ты, скоро?” — воет» («Али мать меня рожала...», 1857)³.

Ярким выражением птичьего нежелания жить в клетке (читай: человеческого — «жить как птица в клетке») стало стихотворение «Канарейка» (1859), вдохновившее Чайковского ещё на один романс. Султанша просит свою пленницу — канарейку:

³ В 1875 году положено на музыку П.И. Чайковским // URL: <http://a-pesni.org/popular20/alimat.htm> (дата обращения: 01.12.2014).

Спой же мне про за-море, певичка,
Спой же мне про Запад, непоседка!
Есть ли там такое небо, птичка,
Есть ли там такой гарем и клетка?

Птичка отвечает, что гарем Зюлейки «по нашим песням тесен»:

«Ты в ленивой дреме расцветала,
Как и вся кругом тебя природа,
И не знаешь — даже не слыхала,
Что у песни есть сестра — свобода» [5: с. 88–89].

В традиционном детском фольклоре среди природных образов наиболее частотны орнитоморфные: гули (ласковое детское и фольклорное прозвание голубей), грачи, гуси, лебеди, утки, журавль, петушок, курочка, цыплята, сорока, ворон и ворона, кулик, галка, синичка, сова, лунь, воробей, соловей, сокол, ласточка, касатка, тетеря (так в фольклоре называют тетерева) и др. В специальных песенках дети подражали голосам птиц. Идея полёта, желания летать нередко соотносится с детством. Неслучайно мотив полёта присутствует в «детских» жанрах: потешке («Шу-у-у, полетели!»), приговорке («...полети на небо, принеси нам хлеба...»), игре («Вороны летают? Лета-а-ют! Коровы летают?...»). Ср. со снотолкованием: *летает* — значит *растёт*; с фразеологией, описывающей мир детства: «*птенец*», «*вылетел из родного гнезда*», «*как наседка с цыплятами*» и т. п. Ср. у Мея в стихотворении «Сумерки» (1858): «Ох, если б крылья да крылья, // Если бы доля да доля, // Не было б мысли “бессилья”, // Не было б слова — “неволя”» [5: с. 86].

В некоторых сюжетах материнского фольклора разворачиваются целые птичьи «каталоги», как, например, в прибаутке о синичке и разборчивом женихе-снегире «За морем синичка не пышно жила...»:

Говорят снегирю мелки пташечки:
«Что же ты, снегирюшка, не женишься?» —
«Рад бы я жениться, да некого взять...
Взял бы я синичку — сестричка моя,
Взял бы я чечётку — та тётка моя,
Взял бы я сороку — болтливая она,
Взял бы я ворону — долгоносая она,
Есть за горами перепёлочка,
Ту я люблю, за себя замуж возьму» [3: с. 132].

Сюжет известен ещё и благодаря пушкинской реминисценции: «спой мне песню, как синица тихо за морем жила...». Несомненно, она в свою очередь повлияла на рождение фразы из «Канарейки» Мея с ярким неологизмом «за-море»: «Спой же мне про за-море, певичка...».

В драме Мея «Псковитянка» боярыня поёт колыбельную песню вполне в фольклорном духе, и здесь тот же ключевой образ — пташки, которых зовут убаюкать Оленьку:

Что на зорьке — на зоре,
О весенней о поре,

Птички божии поют,
В темном лесе гнезда вьют.
 Баю-баюшки-баю,
 Баю Оленьку мою!
Соловейко-соловей,
Ты гнезда себе не вей:
Прилетай ты в наш садок, —
Под высокий теремок... [5: с. 429].

Апофеозом натурфилософских идей и фольклорных образов Мея можно признать его стихотворение «Леший» (1861). Здесь налицо уже традиция взрослых мифологических рассказов, но применённая к детской аудитории. Наряду с «Лешим» персонажи славянской демонологии действуют в стихотворениях Мея «Хозяин» (1849), «Русалка», «Вихорь» (оба 1856), «Оборотень» (1858), «Чуру» (1859) — о призраке, тени любимого пса по кличке Чур, оберегающего покой хозяина. Леший в одноимённом стихотворении получает точно такую же формульную портретную характеристику, как в народных поверьях и быличках: «то всех деревьев выше, // то ниже мелкой травки» [5: с. 214]. Сравним, как рассуждает о внешнем облике фольклорного лешего современник Мея С.В. Максимов — писатель, этнограф, один из первых исследователей народных мифологических верований: «...если он идет лесом, то ростом равняется с самыми высокими деревьями <...> выходя для прогулок, забав и шуток на лесные опушки, он ходит там <...> малой былинкой, ниже травы, свободно укрываясь под любым ягодным листочком» [4: с. 46]. Возможно, Мей и услышал подобные поверья от записавшего их Максимова, который в свою очередь ценил поэта за «неустанное искание сокровищ народной жизни» [7: с. 330].

Меевский Леший воплощает народное и авторское, созвучное народному, экологическое сознание — он заботится о лесе и его обитателях, в том числе оберегая их от людей:

Зимою он сугробы
В овраги замечает,
И тропки он лисицам
И зайцам прочищает;

И снегом он обносит
Берлогу медвежонка,
И вьет мохнатой лапой
Гнездо для вороненка;
<...>
В орешнике змеєю
Шипит он для потехи,
Чтоб девушки у белок
Не сняли все орехи (1861) [5: с. 214–215].

Такое изображение лесного духа вполне соответствует народным представлениям о нём: в фольклорных быличках и поверьях он тоже изображается не страшным чудищем и не пустым затейником, а хозяином и защитником

дикой лесной природы. Наказывает он тех, кто расточительно или неуважительно относится к лесу — берёт лесных даров больше, чем необходимо или чем способен унести, в лесу шумит, бранится, напрасно топчет траву, ломает ветви, рубит деревья и т. п. «Согласно мифологическим рассказам и поверьям, — пишет Н.А. Криничная, — одной из многочисленных функций лешего является охрана и защита леса. Подчас он не позволяет человеку даже въехать в свои владения... Особенно недоброжелателен леший по отношению к дровосеку: прячет у него топор, чтобы сократить время губительной деятельности человека...» [9: с. 268]. Ср.: «Отец в лесу капканы ставил на зайца. И вдруг ему большой-большой человек показался. Выше лесу мужчина. И говорит отцу:

— Ты зачем по моей дороге ходишь?

Отец упал. Долго ли лежал — не знаю. Тот его как ударил — одна лыжина здесь, другая в другую сторону отлетела далеко» [1: с. 35].

Леший в стихотворении Мея, утомившись от забот, засыпает, ему снится чудовище с паром и искрами из ноздрей, шипящее и похожее на крылатого змея. И опять — то ли сон, то ли явь — оно превращается в железнодорожный состав, продукт цивилизации, теснящей живую природу...

В середине 1850-х годов поэт задумал издать свой трёхтомник, и раздел рукописи первого тома «Былины. Сказания. Песни» открывался стихотворением «Запевка», стилизованным под фольклор с характерными, излюбленными Меем, синонимическими парами и рядами. В центре стихотворения — образ самой народной песни. Поэт представляет её не сочинённой, а рождённой, как нечто природное, живое, более того — повитой и крещёной, как младенец:

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
Благовестная, победная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодую-невзгодую повитая,
Во крови, в слезах крещеная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася:
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью,
Намело тебя с сырых могил метелицей... (1856) [5: с. 167].

Однако издательский проект не был осуществлён, а ещё раньше провалились все попытки издавать собственный журнал.

В конце жизни Мей написал поэтическую молитву, тоже напоминающую народную песню — очень грустную, протяжную; кажется, бесконечную, а на самом деле прерванную, недопетую, как и сама жизнь поэта:

Нет предела стремлению жадному...
Нет исхода труду безуспешному...
Нет конца и пути безотрадному...
Боже, милостив буди мне, грешному («Четыре строки», <1861?>) [5: с. 117].

Время всё расставляет на свои места, и творчество Льва Мея нашло своих читателей и ценителей. Поэт, чьи произведения характеризуют «детское» миро-созерцание, большая искренность чувства и при этом умение передать сложные движения души, виртуозность стиха («Мей был поистине кудесником стихотворной формы», по словам современного учёного [10: с. 297]), во многом искал материал и черпал вдохновение в фольклорной традиции.

Библиографический список

Источники

1. Вятский фольклор. Мифология / Изд. подгот. А.А. Иванова. Киров: Вятский центр региональной культуры, 1996. 119 с.
2. Гейне Г. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: Художественная литература, 1971. 780 с., ил. (Б-ка всемирной литературы. Вторая серия; Т. 72.)
3. Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой. М.: Русская книга, 2002. 560 с., 12 л. ил. (Б-ка русского фольклора; Т. 13.)
4. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Книга, 1989. 176 с.
5. Мей Л.А. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. К.К. Бухмейер. Л.: Советский писатель, Ленинград. отд., 1972. 680 с. (Б-ка поэта. Большая серия.)
6. Мей Л.А. Тройка: Стихотворения / Сост. и пояснит. текст Н.П. Суховой; рис. Ю. Тихонова. М.: Дет. литература, 1984. 47 с.
7. Русская литература XIX века. 1840–1860-е годы. Воспоминания, литературно-критические статьи, письма: учеб. пособие / Под ред. В.Н. Аношкиной, В.П. Зверева, Р.Т. Певцовой. М.: Высшая школа, 2005. 623 с.
8. Русские заговоры и заклинания: мат-лы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. М.: Изд-во МГУ, 1998. 480 с.

Литература

9. Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Справочные и информационные издания

10. Ауэр А.П. Мей // Русские писатели, XIX век: биогр. словарь / Сост. С.А. Джанумов. М.: Просвещение, 2007. С. 296–299.
11. Дмитриев Л.А. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» // URL: <http://feb-web.ru/feb/slovens/es/es3/es3-2321.htm> (дата обращения: 01.12.2014).

References

Istochniki

1. Vyatskij fol'klor. Mifologiya / Izd. podgot. A.A. Ivanova. Kirov: Vyatskij centr regional'noj kul'tuty', 1996.119 s.
2. Gejne G. Stixotvoreniya. Poe'my'. Proza. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1971. 780 s., il. (B-ka vsemirnoj literatury'. Vtoraya seriya; T. 72).
3. Detskij fol'klor / Sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. M.Yu. Noviczkoj, I.N. Rajkovoij. M.: Russkaya kniga, 2002. 560 s., 12 l. il. (B-ka russkogo fol'klora; T. 13.)

4. *Maksimov S.V.* Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila. M.: Kniga, 1989. 176 s.
5. *Mej L.A.* Izbranny'e proizvedeniya / Vstup. st., podgot. teksta i primech. K.K. Buxmejer. L.: Sovetskij pisatel', Leningradskoe otd., 1972. 680 s. (B-ka poe'ta. Bol'shaya seriya.)
6. *Mej L.A.* Trojka: stixotvoreniya / Sost. i poyasnit. tekst N.P. Suxovoj; ris. Yu. Tixonova. M.: Det. literatura, 1984. 47 s., il.
7. Russkaya literatura XIX veka. 1840–1860-e gody'. Vospominaniya, literaturno-kriticheskie stat'i, pis'ma: ucheb. posobie / Pod red. V.N. Anoshkinoj, V.P. Zvereva, R.T. Pevczovoj. M.: Vy'sshaya shkola, 2005. 623 s.
8. Russkie zagovory' i zaklinaniya: materialy' fol'klorny'x e'kspedicij 1953–1993 gg. / Pod red. V.P. Anikina. M.: Izd-vo MGU, 1998. 480 s.

Literatura

9. *Krinichnaya N.A.* Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora. M.: Akademicheskij proekt; Gaudeamus, 2004. 1008 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. *Aue'r A.P.* Mej // Russkie pisateli, XIX vek: biogr. slovar' / Sost. S.A. Dzhanumov. M.: Prosveshhenie, 2007. S. 296–299.
11. *Dmitriev L.A.* E'nciklopediya «Slova o polku Igoreve» // URL: <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es3/es3-2321.htm> (data obrashheniya: 01.12.2014).